

М.В. Грибовский

**ПУБЛИЧНЫЕ ЛЕКЦИИ УНИВЕРСИТЕТСКИХ
ПРОФЕССОРОВ
КАК ЯВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ ЖИЗНИ
В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВЕКОВ***

M. Gribovskiy

**The Public Lectures of University Professors
as a Phenomenon of Urban Life
in Russia at the Turn of the 19th and 20th Centuries**

Университет как порождение городской культуры всегда был тесно связан с городскими институтами и городскими сообществами, а наличие университета и профессорской корпорации, в свою очередь, накладывало серьезный отпечаток на жизнедеятельность города. В Российской империи все университетские города имели либо столичный статус, либо являлись губернскими центрами; исключение представлял только Дерпт (с 1893 г. – Юрьев), который являлся уездным городом Лифляндской губернии.

Влияние университета на городскую среду было особенно заметным в именно Дерпте, Томске, Казани, то есть – в относительно небольших городах, где университетский компонент был сконцентрирован, не «размывался» многочисленными не-университетскими элементами столиц и больших городов империи – С.-Петербурга, Москвы, Варшавы, Одессы, Киева. На это обстоятельство обращает внимание и А.Н. Дмитриев, отмечая, что в отличие от С.-Петербурга, в других российских университетских городах профессора играли весьма заметную роль как в местной общественной жизни, так и в органах городского самоуправления¹.

Если по уставу 1804 г. университеты выполняли роль центра всего учебного округа (в составе нескольких губерний), а профессора должны были объезжать курируемые учебные заведения, то следующие уставами (1835, 1863, 1884 гг.) эта обязанность не предусматривалась. По замечанию Е.А. Вишленковой, такие перемены замкнули жизнь университетской профессуры в пределах города, «получившего на ментальной карте империи статус “университетского”»². Именно город и горожане стали объектом приложения усилий университетского сообщества, и усилия эти к концу XIX в. приобрели ряд устойчивых форм. Помимо узко профессиональной деятельности связь университетской общественности с городом, на наш взгляд, осуществлялась через: предоставление городу и горо-

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6.

жанам услуг (образовательных, юридических, медицинских); общественно-полезную деятельность (консультативную, просветительскую, благотворительную); участие в местном самоуправлении.

В настоящей статье остановимся на публичных лекциях профессоров как инструменте влияния университета на российское городское общество рубежа XIX–XX вв. В исследовательской литературе уже есть опыт обращения к этой тематике: в основном – это работы, освещающие либо просветительскую активность отдельных ученых³, либо – тех или иных образовательных и научных учреждений⁴. Попробуем взглянуть на предмет шире: в контексте всей университетской системы Российской империи конца XIX – начала XX в.

* * *

Рубеж XIX–XX вв. (за исключением непродолжительного периода Первой русской революции) – не самое благополучное время с точки зрения университетской автономии. Это обстоятельство находило отражение и в том, что для организации публичного выступления университетского преподавателя требовалось разрешение властей. Профессор, желавший прочитать публичную лекцию, обращался к ректору с просьбой о возбуждении перед попечителем учебного округа ходатайства о получении на это разрешения. В таком обращении указывалось не только название лекции, но и приводилась ее программа⁵.

Профессор Московского университета И.И. Янжул вспоминал: «Главной моей заботой перед публичной лекцией был прискорбный вопрос, разрешат ли ее; требовалась длинная предварительная процедура хлопот о разрешении с представлением не только программы, но иногда даже подлинного текста лекции и обязательства читать по нему»⁶.

Случаи запретов были не так уж редки, и зачастую они были политически мотивированны. Ниже мы еще обратимся к этому аспекту.

Для проведения лекций использовались как университетские площадки, так и городские пространства – помещения залов, театров и прочее. Так, в Казани в Городском театре проходили «спектакли-лекции». Смысл такого формата заключался в том, что перед спектаклями университетские профессора читали вступительную лекцию, посвященную творчеству драматурга, постановку пьесы которого предстояло увидеть зрителям. Например, в театральном сезоне 1908 г. профессор Казанского университета Б.В. Варнеке выступал с циклом лекций об Александре Островском и Уильяме Шекспире⁷.

В С.-Петербурге, начиная с 1906 г., активная просветительская деятельность развернулась на площадках Центрального училища технического рисования барона А.Л. Штиглица и Сельскохозяйственного музея; здесь регулярно читали публичные лекции профессора и

приват-доценты университета историк С.Ф. Платонов, философ Н.О. Лосский, астроном А.А. Иванов, юристы В.Н. Сперанский и А.Г. Тимофеев, ботаники В.И. Палладин и С.В. Кравков, музыковед А.Ф. Каль и многие другие. Еще одна площадка для постоянных выступлений столичной профессуры располагалась в Павловске, где В.И. Палладин, А.А. Иванов и другие проводили публичные лекции для народных учителей⁸.

Имевший большой опыт чтения популярных лекций для населения профессор Московского университета И.И. Янжул в воспоминаниях сформулировал методологические и методические особенности такого жанра общения с аудиторией. Он полагал, что публичное чтение «гораздо труднее университетского и требует большего искусства [...] Тут невозможно и даже не должно обращать внимания на каждого слушателя, а приходится приспособливаться, так сказать, к среднему слушателю [...] Намеки на интересы минуты или политики заметно оживляют аудиторию, особенно если взятый пример производит некоторую сенсацию. Я с успехом много раз пользовался этим приемом, причем даже двухчасовая лекция не вызывала видимой скуки [...] При этом непременно соблюдалось одно условие речи – говорить *viva voce* [Буквально «живым голосом», здесь: «не по бумажке». – М.Г.], а отнюдь не читать»⁹.

Тематика большинства публичных лекций естественным образом вытекала из научных интересов университетских профессоров.

В Казани историк, специалист по позднему русскому средневековью профессор Н.П. Загоскин читал лекцию на тему «О врачебном деле и врачах в Допетровской Руси», историк и этнограф И.Н. Смирнов – «Задачи и значение этнографии», «Этнографический материал, методы его собирания и обработки», фармаколог И.М. Догель – «Предел человеческой жизни»¹⁰.

В Томске профессор гигиены А.И. Судаков читал лекцию «О холере», педиатр С.М. Тимашев – «О физическом воспитании ребенка»; зоолог Н.Ф. Кашенко – «Надо подружиться с природой», «О жизни и смерти в животном мире»; геолог А.М. Зайцев – «О землетрясении»; ботаник В.В. Сапожников – «Растение и солнце», «Зачем цветут цветы»; политэконом М.Н. Соболев – «О конкуренции», «О женском труде»; экономист М.И. Боголепов – «О народной роскоши – чае, сахаре и водке», юрист Н.Н. Розин – «О суде присяжных»¹¹. Порой предмет публичных выступлений проистекал не из научного интереса, а из увлечений докладчика. Так, томские профессора физик А.П. Пospelов и фармацевт Н.А. Александров читали лекции по истории музыки¹².

Большой популярностью у населения пользовалась краеведческая тематика. Так, казанская профессура в разные годы выступала перед горожанами со следующими лекциями: Д.А. Корсаков – «О Казанском крае в царствование Екатерины II»¹³ и «Очерк истории Среднего Поволжья до образования в нем Казанского ханства»,

Н.Ф. Высоцкий – «Доисторическое прошлое нашей местности», И.Н. Смирнов – «Смерть по воззрениям инородцев Поволжья»¹⁴. На особое место краеведческой тематики обратил внимание С.А. Некрылов; по его данным, популярными среди населения Томска были публичные лекции на сибирские темы: Н.Ф. Кащенко – «О плодоводстве в Томском крае», «О гадах Томского края», «Некоторые сведения о климате Томска», В.В. Сапожникова – «Русский Алтай», «Монгольский Алтай», И.А. Малиновского – «Ссылка в Сибирь», Э.А. Лемана – о минеральных водах Томской губернии¹⁵.

В отдельную группу стоит выделить публичные лекции, чтение которых было обусловлено определенным поводом, что предопределяло их тематику. Например, в связи с началом Русско-японской войны, весной 1904 г., профессора Варшавского университета прочли цикл лекций, на следующие темы: «Климатические условия Дальнего Востока» (А.В. Краснов), «Разрушительное действие современных пуль и снарядов и задачи современной хирургии в лечении огнестрельных ран» (М.М. Кузнецов), «Япония в конце XIX века и ее внешние сношения с иностранными державами» (В.Н. Александренко), «Притязания Японии на возрождение Азии и степень участия России в этом возрождении» (Г.Ф. Симоненко), «Война и современное учение о психологии масс» (А.Е. Щербак)¹⁶.

Источники позволяют привести примеры ситуаций, когда инициатива по организации цикла публичных лекций исходила сверху. Как правило, такие ситуации были связаны с чрезвычайными обстоятельствами. Так, в 1891–1892 гг. основную часть Черноземья и Среднего Поволжья охватил голод. 27 августа 1891 г. Казанский городской голова С.В. Дьяченко обратился к ректору Казанского университета К.В. Ворошилову с предложением о проведении серии благотворительных публичных лекций: «Желая всеми средствами прийти на помощь нуждающемуся населению г. Казани, я предположил устроить несколько публичных лекций в зале Казанского Городского Общества со взиманием платы с посетителей. Сообщая об этом Вашему Превосходительству, позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшую просьбу: не откажите передать высокочтимым господам профессорам университета мое усерднейшее приглашение оказать содействие по осуществлению моего предложения, принятием на себя чтения лекций. Я вполне уверен, что г[оспода] профессора, всегда сочувствующие нуждам населения, охотно примут участие в помощи голодающим»¹⁷.

В начале Первой мировой войны – 8 октября 1914 г. – попечитель Варшавского учебного округа Г.В. Левицкий обратился к ректору Варшавского университета С.И. Верхову с предложением «сообщить, каким образом и при наличности каких лекторов из среды профессорской корпорации представляется наиболее целесообразным организовать лекции для учащихся старших классов средних

учебных заведений на темы, намеченные Министерством Народного Просвещения по поводу текущих событий». Среди преподавателей историко-филологического факультета дали согласие прочитать лекции профессор И.И. Замотин – на тему «Русские славянофилы», профессор И.П. Козловский – на тему «Восточный вопрос в истории России» и профессор А.И. Яцимирский – на тему «Борьба южных славян за свободу»¹⁸.

Организация платных публичных лекций, сбор с которых шел на помощь нуждавшимся, – весьма распространенная практика. Если вернуться к выше упомянутому голоду в Поволжье в начале 1890-х гг., то, судя по всему, инициатива собрать средства через публичные лекции одновременно шла и сверху, и снизу. Известно, что председатель университетского физико-математического общества профессор А.В. Васильев и президент общества естествоиспытателей профессор А.А. Штукенберг при Казанском университете писали в октябре 1891 г. председателю Общества истории, археологии и этнографии профессору Н.А. Фирсову: «На обязанности Университета и состоящих при нем ученых Обществ лежит отозваться со своей стороны на нужды окружающего края. Зная, что среди Общества Истории, Археологии и Этнографии [...] возникла уже мысль об организации публичных лекций в пользу населения, пострадавшего от неурожая, мы полагаем, что вообще среди местных ученых Обществ [...] найдется немало лиц, готовых своими трудами внести лепту на облегчение участи нуждающихся». Деньги, которые будут собраны, предлагалось передать нуждавшимся ученикам сельских школ. Профессора А.В. Васильев и А.А. Штукенберг предлагали профессору Н.А. Фирсову взять на себя инициативу собрания председателей все научных обществ, состоявших при Казанском университете, для обсуждения вопроса об организации от имени всех ученых университета серии публичных лекций. Разделяя этот замысел, Н.А. Фирсов настаивал на участии в его реализации ректора¹⁹.

Первый цикл лекций в Казани был прочитан в январе-марте 1892 г. Билеты реализовывались на следующих условиях: первый ряд – 1 руб. 50 копеек, второй ряд – 1 руб., третий ряд – 50 коп., остальные ряды – 30 копеек (для учащихся – 20). Цена абонемента на все 16 лекций составляла: 15 руб. за место в первом ряду, 10 руб. за место во втором, 5 руб. – за место в третьем, за места на остальных рядах – 3 руб. (для учащихся – 1 руб.). Всего было собрано 1 080 руб. 80 копеек (830,8 руб. за билеты и 210 руб. за абонементы). Судя по ведомости собранных средств, больше всего слушателей было на лекциях И.М. Догеля «Боль, ее значение и утоление» (сбор – 138,3 руб.) и В.Д. Орлова «Очерк истории и гигиены женской одежды» (сбор – 100,1 руб.), а наименьший интерес вызвала лекция В.И. Сорокина «Сельскохозяйственные опытные станции и их значение для земледельческой практики» (сбор – 9,5 руб.). Тематика некоторых тогда прочитанных лекций особенно подходила историче-

скому моменту: В.Н. Витевский «Голод и его проявления в Древней Руси», Н.Н. Фирсов «Голод перед Смутным временем в России», Н.А. Осокин «Влияния общественных бедствий на ход истории»²⁰.

Спустя несколько лет, в 1899 г., в Казанском университете решили повторить успешный опыт 1892 г. и организовали цикл лекций в пользу бедных детей, обучавшихся в сельских школах Казанской губернии²¹.

В числе прочих губерний голод в начале 1890-х гг. был и в Харьковской губернии. В декабре 1891 г. ряд профессоров Харьковского университета объявили о публичных лекциях в пользу голодающих²². Известно, что 2 февраля 1892 г. публичную лекцию в пользу голодающих читал профессор А.Н. Краснов. В Государственном архиве Харьковской области сохранилась ведомость, отражающая стоимость и число проданных билетов на эту лекцию. Места в первом ряду продавались по 2 руб., во втором и третьем рядах – по полтора руб., места в остальных рядах – по 1 руб. 25 коп. Всего было продано 56 билетов, что позволило выручить 82,5 руб.²³

Публичные лекции в пользу голодающих читались тогда и профессорами столичного университета. Суммарный сбор от них составил около 3 000 руб.²⁴

Порядок сбора средств регламентировался циркуляром министра внутренних дел от 26 июля 1882 г., в котором содержались такие требования: «продажу входных билетов производить в казенных только местах, причем запрещается развозить эти билеты по домам или раздавать их разным лицам для продажи»²⁵. Между прочим, за нарушение этих правил, а именно за развоз билетов по частным домам, в 1884 г. учебными властями критиковался профессор Университета Св. Владимира Н.А. Хржонщевский²⁶.

И в другие годы недостатков в поводах и объектах для благотворительности тоже не наблюдалось. Профессор Варшавского университета П.В. Никольский в 1903 г. выражал желание прочитать две лекции «в пользу недостаточных учениц повивального института»²⁷. Весной 1904 г. профессора Варшавского университета прочитали цикл лекций, сбор с которых (50 копеек – со студентов, 1 руб. – со всех остальных) пошел «на военные потребности армии и флота»²⁸. Согласно «Денежному отчету по устройству лекции проф. В.В. Курилова» (Варшавский университет), прочитанной 19 февраля 1914 г., от продажи билетов было выручено 400 руб. 80 коп., от продажи программ – 23 руб. 70 коп.; сверх этого 2 руб. было пожертвовано²⁹. Кстати, в Варшавском университете существовала общественная должность распорядителя-казначея по устройству публичных лекций при университете. До весны 1905 г. ее занимал профессор В.В. Максимов.

По данным, приведенным Л.А. Бушуевой, казанские профессора регулярно устраивали публичные лекции в рамках деятельности

Общества археологии, истории и этнографии. Вход на такие лекции был платным, цена варьировалась в зависимости от места в зале: на первых четырех рядах она составляла от 2 до 1 руб., на остальных местах – 50 коп.; для студентов и других учащихся стоимость посещения одной публичной лекции составляла 25 коп.³⁰

Вспоминая о прочитанных лекциях, И.И. Янжул отмечал, что многие из них вызывали большое сочувствие в московской публике, «выразившееся наглядно в многих тысячах рублей, мною собранных для разных благотворительных целей»³¹. Наибольшие сборы и последующие пожертвования принесла лекция И.И. Янжула «О миллионах и что с ними надо делать». Она была прочитана в аудитории Исторического музея в Москве 21 февраля 1898 г. для 900 слушателей. Сбор с проданных билетов составил 800 руб. Более того, после лекции – в течение нескольких дней – И.И. Янжулу было передано около 4 тыс. руб. с просьбой направить их на благотворительные цели³².

Один из слушателей публичных лекций профессора Московского университета К.А. Тимирязева, П.В. Танеев, оставил воспоминание, отражающее интерес публики к профессорским выступлениям и ее готовность к приобретению билетов: «Находясь в старших классах гимназии, я был на двух популярных лекциях Климента Аркадьевича в большой аудитории Политехнического музея. Каждый раз билеты можно было получить только после долгих ожиданий из-за большого количества желающих попасть на эти лекции»³³.

В беспокойной общественной атмосфере конца XIX, и в особенности начала XX, в университетская профессура использовала общение с широкой городской аудиторией не только в академических просветительских целях. Будучи весьма глубоко вовлеченными в общественные процессы, профессора и преподаватели нередко политизировали свои публичные выступления. Поэтому содержание публичных лекций становилась предметом внимания властей. Особенно это касалось выступлений историков, экономистов, юристов. Исправлявший должность московского обер-полицейстера Ф.Д. Трепов доносил 5 июня 1899 г. в Департамент полиции МВД о собрании в память А.С. Пушкина, прошедшем в мае в Московском университете. На собрании выступали бывший профессор С.А. Муромцев (он еще в июле 1884 г. распоряжением министра народного просвещения И.Д. Делянова был уволен из университета за «политическую неблагонадежность»³⁴) и приват-доцент В.Е. Якушкин. О речи последнего обер-полицейстер сообщал: «Оратор, совершенно игнорируя поэта как художника, имел, очевидно, единственную целью доказать, что Пушкин по своим взглядам и связям был единомышленником декабристов – лучших, по мнению Якушкина, людей своего времени, и не участвовал в их бунте лишь по случайности и что поэт даже в последний период своей деятельности, после милостей, оказанных ему ИМПЕРАТОРОМ

НИКОЛАЕМ I-м, остался в сущности верен своим прежним убеждениям, не переставая быть вольнодумцем». Далее делался вывод: «Муромцев и Якушкин воспользовались юбилейными торжествами как удобным случаем для публичной пропаганды своих антиправительственных идей»³⁵.

В результате этой истории Ф.Д. Трепов ходатайствовал перед Московским генерал-губернатором о запрещении С.А. Муромцеву и В.Е. Якушкину на два года проживания в Москве и Московской губернии³⁶. Уже в 1899 г. В.Е. Якушкин навсегда покинет университет; он сосредоточится на литературной и общественно-политической деятельности, а впоследствии станет гласным курского губернского земства и депутатом Государственной думы первого созыва от кадетской партии, как и С.А. Муромцев, возглавивший Думу.

В Департаменте полиции МВД имелись сведения о том, что профессор С.-Петербургского университета А.А. Исаев в педагогическом музее Соляного городка в С.-Петербурге читал лекции на тему «Настоящее и вероятное будущее народного хозяйства», в которых, «подвергая критике экономическую политику русского Правительства [...], рекомендовал для спасения народа от угрожающей ему опасности разорения программу народников: усиление и развитие артельного начала, поддержку общинного землевладения; экспроприацию земли и орудий производства в пользу крестьян и прочее. Для оказания помощи народу, лектор признавал необходимым проникновение в народную среду интеллигенции». В марте 1898 г. ходатайство Комитета Общества помощи нуждающимся переселенцам о разрешении профессору Исаеву читать лекции на тему «Очерки экономического быта современной Европы» было отклонено³⁷.

Более того, 4 января 1901 г. директор Департамента полиции С.Э. Зволянский писал С.-Петербургскому градоначальнику генералу Н.В. Клейгельсу: «В виду неоднократного проявления известным Вашему Превосходительству профессором Андреем Алексеевым Исаевым вредного направления на произносимых им публичных лекциях и чтениях, Департамент полиции имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что все ходатайства названного Исаева о дозволении ему таковых лекций и чтений следует отклонять»³⁸.

Целостную картину бдительного надзора со стороны властей за публичными лекциями преподавателей Московского университета дают справки на 125 профессоров и приват-доцентов московских вузов, проходивших по делам Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве, составленные в январе 1911 г. Адресатом справок был директор Департамента полиции Н.П. Зуев. Здесь можно обнаружить сведения о содержании выступлений приват-доцентов университета А.А. Борового, Н.Н. Полянского, П.Н. Сакулина, В.М. Устинова.

Так, в справке на А.А. Борового значилось, что в прочитанной им

7 июля 1907 г. в Москве в помещении педагогических курсов лекции А.А. Боровой «открыто заявил слушателям, что он признает и всегда пропагандирует идею революционного синдикализма, который [...] предпочитает открытое выступление, имеющее своей конечной целью переустройство государства путем социальной революции». А.А. Боровой стал подвергаться политическим преследованиям. В 1910 г. против него было возбуждено два дела за издание брошюр анархистского содержания³⁹.

В справке на Н.Н. Полянского утверждалось, что 4 июля 1908 г. он читал лекции на педагогических курсах Московского общества воспитательниц и учительниц и, «рассматривая теократическую теорию происхождения государств, Полянский высказался, что эта теория обязанная своим происхождением древним некультурным племенам, сначала боготворившим личность Государя, а впоследствии веровавшим, что государь есть посланник Божий, назначенный им для проведения воли его на земле, ныне отжила свой век, так как для каждого из современников ясно, что последователи такой теории впадали в грубую ошибку [...] Он закончил рассмотрение этой теории словами: “К сожалению, как пережиток некультурной далекой древности, в настоящее время некоторые государи продолжают еще в своих манифестах и указах писать: “Мы волею Божию”»⁴⁰. Дерзость такого заявления была связана с тем, что 4-я статья «Основных государственных законов Российской империи» гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает»⁴¹.

О П.Н. Сакулине сообщалось следующее: «Читая лекции на курсах для учителей летом 1907 года, Сакулин осуждал устоявшийся самодержавного образа правления и таким путем восстанавливал слушателей против существующего государственного строя, за что по распоряжению московского генерал-губернатора, был подвергнут штрафу в размере 1000 рублей»⁴². Дальнейшее чтение лекций П.Н. Сакулину было запрещено⁴³.

В.М. Устинов обратил на себя внимание полиции во время чтения лекции «Конституционное право», устроенной Обществом народных университетов: «Разобрав государственный строй Швеции и Англии, перешел к рассмотрению представительного образа правления в тех государствах, где сохраняется принцип монархии, при чем произнес следующую фразу “Борьба с монархом, где еще существует монархия, как например, в Пруссии, Германии и у нас в России, продолжается”». Известно, что присутствовавший на лекции помощник пристава после этих слов лекцию прекратил⁴⁴.

Показательно, что все выше перечисленные преподаватели 3 февраля 1911 г. покинули Московский университет в знак протеста против действий министра народного просвещения Л.А. Кассо.

Политизация и придание своим выступлениям общественно-

го звучания, разумеется, не было прерогативой только столичной профессуры. Например, в самом восточном – Томском – университете весной 1909 г., несмотря на запрещение попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьева, профессор И.А. Малиновский «в актовом зале университета бесплатно, при громадном стечении публики» прочитал публичную лекцию об отмене смертной казни, что шло вразрез с государственной позицией по данному вопросу. По донесению попечителя, «содержание этой лекции, как и следовало ожидать, было крайне возмутительное, а потому и заслужило неистовое одобрение публики и долго несмолкаемых аплодисментов»⁴⁵. Эти аплодисменты, с укоризной упомянутые попечителем, можно образно назвать стрелкой барометра общественных настроений незадолго до новой революции.

* * *

Конец XIX в. и начало XX в. – время становления в России гражданского общества, для которого характерны общественные формы самоорганизации, гражданские инициативы. Университетские профессора, неравнодушные к общественно-политическим процессам, могли реализовать себя в этом отношении именно через просветительскую деятельность, популяризируя научное знание для широкой внеуниверситетской аудитории.

Чтение публичных лекций на научно-популярные темы составляло заметную часть профессиональной жизнедеятельности многих российских университетских профессоров, особенно в столичных городах, где стремившаяся к просвещению публика без труда наполняла аудитории, предоставляемые для публичных выступлений. Нам удалось столкнуться лишь с единичным свидетельством последовательного нежелания университетского профессора рассматриваемого периода читать лекции для населения. «От публичных лекций, с чтением которых ко мне энергично приставали, я всегда отказывался и никогда их не читал», – вспоминал профессор С.-Петербургского университета А.А. Иностранцев⁴⁶. Большинство же представителей университетского педагогического сообщества занятие народным просвещением воспринималось как общественный долг.

Дореволюционная практика не утратит актуальности и в последующие годы. Правда, если в советское время просветительский потенциал преподавателей и ученых, как правило, находил применение через относительно централизованное и идеализированное Всесоюзное общество «Знание», то в начале XXI в. влияние вуза на окружающую его городскую среду – в том числе посредством просвещения – рассматривается через призму концепции о «третьей роли» университетов⁴⁷.

В любом случае можно утверждать, что обращение университета

к городу через предоставление горожанам возможности пользоваться имеющимся в университете интеллектуальным капиталом – давно зарекомендовавшая себя и по-прежнему перспективная модель взаимоотношений университета с окружающим сообществом.

Примечания

¹ *Дмитриев А.Н.* По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX в.). М., 2009. С. 112.

² *Вишленкова Е.А.* Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Вып. 2. Казань, 2009. С. 28.

³ *Возчиков В.А.* Публичные лекции Т.Н. Грановского: Магия слова и личности // Историко-педагогический журнал. 2013. № 4. С. 81–96; *Кошелева А.И.* Публичные лекции В.О. Ключевского // Университетское образование (МКУО-2013). Пенза, 2013. С. 450–451; *Митрофанов В.В.* Проблемы истории Великого Новгорода в публичных лекциях и переписке С.Ф. Платонова // Клио. 2009. № 1. С. 20–31; *Мохначева М.П.* Публичные лекции Н.П. Вагнера и Н.И. Кареева о теории исторического процесса // Археографический ежегодник за 1998 год. Москва, 1999. С. 126–133.

⁴ *Бурмистрова Л.П.* Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002; *Мохначева М.П.* Автографы программ публичных лекций ученых Московского университета // Археографический ежегодник за 1997 год. Москва, 1997. С. 128–139; *Смагина Г.И.* Публичные лекции Санкт-Петербургской Академии наук во второй половине XVIII в. // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 2. С. 16–26.

⁵ Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 214. S. 101. K. 14.

⁶ *Янжул И.И.* Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864 – 1909 гг. Т. 2. СПб., 1910. С. 173.

⁷ *Бушуева Л.А.* «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца XIX – начала XX в. // История России: Актуальные проблемы. Вып. 1. Казань, 2014. С. 54.

⁸ *Ростовцев Е.А.* Университет столичного города (1905 – 1917) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 245–246.

⁹ *Янжул И.И.* Указ. соч. С. 172.

¹⁰ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 2, 3, 5.

¹¹ Город Томск. Томск, 1912. С. 77, 78.

¹² Профессора Томского университета. Вып. 1. Томск, 1996. С. 23, 198.

¹³ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 1.

¹⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 38, 77.

¹⁵ *Некрылов С.А.* Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Т. 2. Томск, 2011.

С. 231, 270.

¹⁶ АРВ. Z. 214. S. 101. К. 28–30, 38.

¹⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 7, 7об.

¹⁸ АРВ. Z. 214. S. 380. К. 7.

¹⁹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 8473. Л. 11, 12.

²⁰ Там же. Л. 38, 75, 77, 103, 103об.

²¹ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 9937. Л. 1–7.

²² *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. Александр Афанасьевич Потеня // Харківський університет ХІХ – початку ХХ століття у спогадах його професорів та вихованців. Т. 2. Харків, 2010. С. 283.

²³ Государственный архив Харьковской области (ГАХО). Ф. 667. Оп. 286. Д. 189. Л. 4.

²⁴ *Ростовцев Е.А.* Столичная профессура и благотворительность в начале ХХ в.: Постановка проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 107.

²⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. «Совет». Д. 7424. Л. 6, 6об.

²⁶ Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ). Ф. 707. Оп. 262 (1884). Д. 5. Л. 19.

²⁷ АРВ. Z. 214. S. 101. К. 11.

²⁸ Ibidem. К. 38–38об.

²⁹ Ibidem. К. 99–99об.

³⁰ *Бушueva Л.А.* «Сверх основных своих обязанностей являлись участниками обществ...»: Общественная деятельность в повседневной жизни профессоров Казанского университета конца ХІХ – начала ХХ в. // История России: Актуальные проблемы. Вып. 1. Казань, 2014. С. 46.

³¹ *Янжул И.И.* Указ. соч. С. 171.

³² Там же. С. 183, 184.

³³ *Танеев П.В.* Воспоминания о Клименте Аркадьевиче Тимирязеве // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 519, 520.

³⁴ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 418. Оп. 53. Д. 345. Л. 2.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 8об.

³⁶ ГА РФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1892. Д. 1144. Л. 10.

³⁷ ГА РФ. Ф. 102 (Д. 3). Оп. 1895. Д. 1414. Л. 47, 47об.

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 93. Д. 1414. Л. 41.

³⁹ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 6, 6об.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 78, 78об.

⁴¹ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е. Т. XXVI. Отделение I. СПб, 1909. № 27805.

⁴² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 89.

⁴³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 1 об.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 47. Д. 342. Л. 104, 104об.

⁴⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 201. Д. 108. Л. 7об.

46 *Иностранцев А.А.* Воспоминания (Автобиография). СПб., 1998. С. 151.

47 *Бенневорт П., Сандерсон А.* Третья роль университетов: Участие университетов в региональном развитии: создание потенциала в условиях малоинновационной среды // Вестник международных организаций. 2012. № 1 (36). С. 172–188.

Автор, аннотация, ключевые слова

Грибовский Михаил Викторович – канд. ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета

mgrib@mail2000.ru

В статье на основании документов, впервые обнаруженных в нескольких государственных архивах России, Украины и Польши, рассматривается феномен публичных профессорских лекций в контексте влияния университета на российское общество на рубеже XIX–XX вв. Особое внимание уделяется вопросам организации лекций, тематике публичных выступлений и лекциям как инструменту благотворительности. Также раскрывается политическая составляющая публичных лекций некоторых профессоров. Университетские профессора, равнодушные к общественно-политическим процессам и проблемам, нашли возможность реализовать себя именно через просветительскую деятельность, через популяризацию научного знания среди широкой внеуниверситетской аудитории. Делается вывод о том, что распространение практики публичных выступлений университетской профессуры в конце XIX – начале XX вв. являлось проявлением формирования гражданского общества в России. Вместе с тем оно было и инструментом взаимодействия университета с окружающей его городской средой.

Университет, профессура, публичная лекция, просвещение, благотворительность, общественные настроения, политические настроения, политическая полиция.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Benneworth P., Sanderson A. Tretya rol universitetov: Uchastie universitetov v regionalnom razvitii: sozdanie potentsiala v usloviyakh maloinnovatsionnoy sredy [The Regional Engagement of Universities: Building Capacity in a Sparse Innovation Environment.]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy*, 2012, no. 1 (36), pp. 172–188.

2. Mitrofanov V.V. Problemy istorii Velikogo Novgoroda v publichnykh lektsiyakh i perepiske S.F. Platonova [Problems in the History of Veliky Novgorod in Sergey F. Platonov's Public Lectures and Correspondence.]. *Klio*, 2009, no.

1, pp. 20–31.

3. Rostovtsev E.A. Stolichnaya professura i blagotvoritelnost v nachale XX v.: Postanovka problemy [The Professors of the Capital and Charitable Organizations in the Early Twentieth Century: A Statement of the Problem.]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012, no. 1, p. 107.

4. Smagina G.I. Publichnye leksii Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk vo vtoroy polovine XVIII v. [The Public Lectures of the St. Petersburg Academy of Sciences in the Second Half of the 18th Century.]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*, 1996, no. 2, pp. 16–26.

5. Vozchikov V.A. Publichnye leksii T.N. Granovskogo: Magiya slova i lichnosti [The Public Lectures of Timofey N. Granovskiy: The Magic of Word and Personality.]. *Istoriko-pedagogicheskiy zhurnal*, 2013, no. 4, pp. 81–96.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Bushueva L.A. “Sverkh osnovnykh svoikh obyazannostey yavlyalis uchastnikami obshchestv...”: Obshchestvennaya deyatelnost v povsednevnoy zhizni professorov Kazanskogo universiteta kontsa XIX – nachala XX v. [“Beyond Their Fundamental Responsibilities, They Were Contributors to Society...”: Social Activity in the Daily Life of the Professors of Kazan University in the late 19th and early 20th Centuries.]. *Istoriya Rossii: Aktualnye problemy* [History of Russia: Actual Problems.]. Kazan, 2014, vol. 1, p. 46.

7. Bushueva L.A. “Sverkh osnovnykh svoikh obyazannostey yavlyalis uchastnikami obshchestv...”: Obshchestvennaya deyatelnost v povsednevnoy zhizni professorov Kazanskogo universiteta kontsa XIX – nachala XX v. [“Beyond Their Fundamental Responsibilities, They Were Contributors to Society...”: Social Activity in the Daily Life of the Professors of Kazan University in the late 19th and early 20th Centuries.]. *Istoriya Rossii: Aktualnye problemy* [History of Russia: Actual Problems.]. Kazan, 2014, vol. 1, p. 54.

8. Dmitriev A.N. Po tu storonu “universitetskogo voprosa”: Pravitelstvennaya politika i sotsialnaya zhizn rossiyskoy vysshey shkoly (1900 – 1917 gody) [Beyond the “University Question”: Government Policy and the Social Life of the Russian Higher School (1900 – 1917).]. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX v.)* [University and City in Russia (Early XX Century).]. Moscow, 2009, p. 112.

9. Kosheleva A.I. Publichnye leksii V.O. Klyuchevskogo [The Public Lectures of V.O. Klyuchevskiy.]. *Universitetskoe obrazovanie (MKUO-2013)* [University Education (MKUO-2013).]. Penza, 2013, pp. 450, 451.

10. Mokhnacheva M.P. Avtografy programm publichnykh leksiy uchenykh Moskovskogo universiteta [The Handwritten Outlines to the Public Lectures of Moscow University Scholars.]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1997 god* [The Archaeographic Yearbook for 1997.]. Moscow, 1997, pp. 128–139.

11. Mokhnacheva M.P. Publichnye leksii N.P. Vagnera i N.I. Kareeva o teorii istoricheskogo protsessa [The Public Lectures of N.P. Wagner and N.I. Kareev on the Theory of the Historical Process.]. *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1998 god* [The Archaeographic Yearbook for 1998.]. Moscow, 1999, pp.

126–133.

12. Rostovtsev E.A. Universitet stolichnogo goroda (1905 – 1917) [The University of the Capital City (1905 – 1917)]. *Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka)* [University and City in Russia (Early XX Century)]. Moscow, 2009, pp. 245, 246.

13. Vishlenkova E.A. Universitetskiy chelovek i vremya [The University Man and Time.]. *Obrazovanie i prosveshchenie v gubernskoy Kazani* [Education and Enlightenment in Provincial Kazan]. Kazan, 2009, vol. 2, p. 28.

(Monographs)

14. Burmistrova L.P. Publichnye lektzii professorov i prepodavateley Kazanskogo universiteta: XIX v. [The Public Lectures of the Professors and Teachers of Kazan University: 19th Century.]. Kazan, 2002, 203 p.

15. Nekrylov S.A. Tomskiy universitet – pervyy nauchnyy tsentr v Aziatskoy chasti Rossii (seredina 1870-kh gg. – 1919 g.) [Tomsk University – the First Scholarly Center in the Asian Part of Russia (mid-1870s to 1919)]. Tomsk, 2011, vol. 2, pp. 231, 270.

Author, Abstract, Key words

Mikhail V. Gribovskiy – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
mgrib@mail2000.ru

Based on documents originally found in several state archives in Russia, Ukraine and Poland, the article examines the phenomenon of public lectures delivered by university professors viewed in terms of the influence the university produced on Russian society at the turn of the 19th – 20th centuries. The author focuses on the aspects organizing lectures and their topics treating lectures and public talks as an instrument of charity. Political component in public lectures given by some professors is analyzed. Those academics who were not indifferent to political and social issues and developments undertook their mission disseminating scientific knowledge among the population outside university. It is concluded that the spreading of public lectures delivered by university professors at the end of 19th and the beginning of the 20th centuries manifested the formation of civil society in Russia. Also, it was a means of interaction between the university and the urban population.

University, professorate, public lecture, education, charity, public mood, political mood, political police.